Семенова Мария Александровна

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ-МУСУЛЬМАНКИ НА СТРАНИЦАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В

Статья посвящена восприятию образа женщины-мусульманки на страницах источников личного происхождения второй половины XIX – начала XX в., повествующих о красоте арабской женщины, ее уникальности, а также о таких специфических явлениях Арабского Востока, как гаремная жизнь и обычай ношения чалмы. Образ арабской женщины всегда был и остается по сей день непонятным для русских путников ввиду того, что он совсем не похож на знакомый им образ женщины-европейки, и поэтому они были склонны вешать ярлыки и еще более укреплять бытовавшие стереотипы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. I. С. 151-154. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

THE GREAT RUSSIANS' ETHNO-POLITICAL GENESIS AND RUSSIA DEVELOPMENT PROGNOSIS

Saifullin Rubin Gatufovich, Ph. D. in Political Science
Kazan' (Volga Region) Federal University (Branch) in Naberezhnye Chelny
saifrubin@mail.ru

The author describes the main biosocial approach provisions, considers the ethno-political genesis of the Great Russians, shows that in whole it developed in accordance with the universal regularity, which has a biosocial character – the numerical algorithm: revolts in the history of Moscovia and Russia took place during the periods of the unstable states of phase transitions and critical periods within the phases, mentions that the same regularity is generally true in relation to major military defeats, and basing on biosocial approach gives a prognosis for Russia development.

Key words and phrases: biosocial approach; ethno-political genesis of the Great Russians; prognosis for Russia development.

УДК 93
Исторические науки и археология

Статья посвящена восприятию образа женщины-мусульманки на страницах источников личного происхождения второй половины XIX – начала XX в., повествующих о красоте арабской женщины, ее уникальности, а также о таких специфических явлениях Арабского Востока, как гаремная жизнь и обычай ношения чалмы. Образ арабской женщины всегда был и остается по сей день непонятным для русских путников ввиду того, что он совсем не похож на знакомый им образ женщины-европейки, и поэтому они были склонны вешать ярлыки и еще более укреплять бытовавшие стереотипы.

Ключевые слова и фразы: женщина; мусульманка; бедуинка; арабка; христианка; Арабский Восток; путешественники; представление; источники; воспоминания; очерки; записки; описание; образ; гарем; танец; красота; чалма; обычай.

Семенова Мария Александровна
Российский университет дружбы народов
semenova-maria85@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ-МУСУЛЬМАНКИ НА СТРАНИЦАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.©

Существенным элементом арабской жизни, на который обращали внимание русские путешественники во время своих вояжей по странам Арабского Востока, было отношение к женщине и ее положение в мусульманском обществе.

Множество страниц в записках русских путешественников было посвящено красоте арабских женщин. Среди характерных черт восточных красавиц назывались миндалевидные темные глаза с длинными черными ресницами, аккуратные линии рта с жемчужными зубами, черные, как смоль, густые волосы и смуглый бархатистый цвет кожи [2, с. 144; 3, с. 59-60; 16, с. 72-74]. Все это делало арабскую женщину такой непохожей на русских барышень и превращало ее в изюминку Арабского Востока. Следует отметить определенную особенность в описании мусульманок – описания касались только лишь лица и рук арабских женщин, в отличие от описаний европейских женщин, так как остальные части их тела были закрыты длинным платьем. Так, Н. В. Богоявленский с горечью отмечает: «Женщины, судя по грациозности мужчин, должны быть верхом грации, но, к сожалению, об этом можно только догадываться. Они все закрыты…» [3, с. 59]. Русские путешественники воспевали также их невероятную пластичность и манеру двигаться – будь то танцовщица, исполняющая арабский танец живота, или арабка, полностью укутанная в традиционное платье. Последняя, как отмечали русские авторы, тоже умела двигаться с таким изяществом, которое не могли скрыть ее длинные балахоны [4, с. 154-156; 17, с. 68-72].

Однако некоторые авторы все же стремились пересмотреть это представление о красоте женщины-арабки. Так, Е. Л. Марков характеризовал женщин-египтянок следующим образом: «…уродливо окутанные с головы до ног в черные и синие простыни… Впрочем, и то надо сказать, что среди женщин египетского простонародья так редко попадаются лица сколько-нибудь сносные, что мужчины поступили, пожалуй, довольно благоразумно, заставив их завешиваться и укрываться всякими способами. Во всяком случае это мне представляется тысячелетним наследием самых далеких и темных веков, пережившим символом того древнего рабства, которое возлагало на шею человека медные ошейники и железные цепи, какие мы теперь

© Семенова М. А., 2013

возлагаем на своих собак. Но, как всегда бывает, наивные жертвы этого узаконенного рабства не только не восстают против нелепого обычая уродовать медью и тряпками данную им Богом красоту молодого цветущего лица, но сами же первые фанатично ополчаются против дерзких нарушительниц общественного порядка» [11, с. 215]. Он же считал, что традиция ношения чалмы происходит от безделья мусульманок, живущих в городе, так как в деревне у женщин слишком много забот, чтобы заниматься этим: «Женщины феллахов, хоть и магометанки, не закрывают в деревнях своего лица. Эта целомудренная мода практикуется только в городах, где больше свободного времени для всяких глупостей. В деревне же столько работы, что не до кутанья» [Там же, с. 203]. Налицо было абсолютное незнание автором текста Корана, который предписывает женщинам укутываться и скрывать свои прелести от посторонних глаз.

Журналист К. А. Скальковский проводил параллель красоты европейской и арабской женщины, и сравнение оказывается отнюдь не в пользу последней: «Молодые арабки некрасивы не только лицом, хотя длинные желтоватые лица их с черными большими глазами, толстыми губами и жемчужными зубами иным и нравятся, но вообще они не удовлетворяют понятиям европейца о классической красоте» [16, с. 72].

Другое описание русские путники давали деревенским женщинам и бедуинкам. Их непременным атрибутом были корзина либо кувшин на голове, а также огромная широкая темно-синяя рубаха (как и у мужчины-феллаха, цвет одежды темно-синий): «Я не видел почти ни одной египтянки, которая шла бы без какой-либо ноши на голове или на плечах: на голове большею частью массивные глиняные, с длинными горлами, традиционные кувшины или же плетеные корзины из нильского тростника и камыша; на плечах большею частью черномазые, полуголые дети…» [12, с. 118].

Что касается бедуинок, то образ их жизни, повседневные дела, материальные заботы мешали соблюдению традиции ношения одежды и нахождения вдали от посторонних мужских глаз: «Действительно отсутствие постоянных жилищ приводит к отсутствию тюремного замкнутого существования, так как вполне понятно, что при жизни под палатками нельзя устроить наглухо отделенной женской половины и еще менее возможно соблюсти все строгости гаремного заключения... При такой деятельной и трудовой жизни, требующей быстроты и свободы движений, вполне немыслимо превратить бедуинок, подобно городским арабкам, в те беспомощные существа, которые едва могут передвигать ноги под своими бесчисленными покрывалами. Одежда бедуинок поэтому вполне приспособлена к их образу жизни и состоит из просторной с широкими рукавами и доходящей почти до щиколотки рубахи, поверх которой женщины носят такую же “аба”, как и мужчины. Ноги босы, голова закутана в неизменный, бумажный или шелковый, платок разных оттенков от красного до черного включительно, причем яркие цвета предпочитаются девушками, а темные – старухами. Бедуинки, подобно всем восточным женщинам, весьма любят украшать себя всякими побрякушками: запястья, от простых стеклянных до серебряных и золотых, покрывают их руки и ноги, на лоб свешивается подвеска из монет или при бедности из оловянных блях; шея унизана бусами. Женщины в пустыне ни на минуту не расстаются со всеми этими украшениями, соперничая с подругами и родственницами количеством и качеством их. Каждый бедуин поэтому считает своим долгом накупить жене как можно больше подобных безделушек, находя в этом удовлетворение своему тщеславию, ибо сам он мало заботится о своей наружности и еще менее о своем наряде» [1, с. 123-124]. Даже ношение этих побрякушек вызывало негативные эмоции у русских авторов. Они писали, что все эти украшения обезличивают образ самой женщины, смещая акценты с ее внутреннего содержания на внешний облик [4, с. 222; 10, с. 88]. Л. Я. Майзельс удивлялся тому, что даже само одевание браслетов может принижать арабскую женщину: «Одевание браслетов довольно мучительно. Я видел, как это делается в золотом ряду. Золотых дел мастер смазывает руки своим юным мученицам покупательницам и старается просунуть руку в маленький браслет, при чем срывает кожу на кистях. Несчастные арабки плачут. “Пусть страдают”, говорит нам старуха-ханум, “зато она понравится своему господину”» [10, с. 88-89].

Русские авторы описывали также арабок-христианок. Их одежда и внешний облик были более понятны русскому человеку, однако удивляло их отсутствие всякого стеснения этих восточных женщин перед иностранными гостями: «Мы имели случай видеть арабских христианских женщин, которые отличаются от магометанских тем, что ходят без вуалей. Костюм их очень живописен: висячие косы обвешаны золотыми и серебряными монетами, платье состоит из разноцветных и часто богатых материй, но то, что особенно поразило нас, это то, что ходят они с совершенно открытою грудью и нисколько не находят это странным; так что в одном доме жена хозяина кормила при нас своего ребенка» [13, с. 21-22]. Впрочем, подобное поведение вызывало не только удивление, но даже гнев и непонимание: «Молодая арабка с совершенно открытой грудью (потому что она из христиан)... сидела напротив своего мужа, и маленький ребеночек... подползал по временам к матери, когда чувствовал голод, брался сосать грудь матери, она же нисколько не обращала на это внимание, похожа в это время на корову больше, чем на разумное существо» [14, с. 171].

Записки русских путников изобилуют рассказами об арабских танцовщицах. Вот что писал об уличных танцовщицах К. А. Скальковский: «Арабский тип женщины некрасив. Лучше всего это видно на “альмэ” – уличных певицах и танцовщицах Востока, восхищающих туземцев... некоторые из танцев альмэ, например известная “пчела”, циничны до крайности, но цинизм их груб и вовсе не пикантен. Большая часть танцев состоит в однообразном и утомительном для глаз движении рук и движении корпуса, сопровождаемом гнусливым пением под звуки глухих струнных инструментов – и в придачу все это очень длинно» [16, с. 171]. Соглашался с ним и Н. Лендер, называя арабский танец «бессмысленным дерганьем» [9, с. 73-74]. Однако стоит заметить, что большинству русских арабские танцы приходились по вкусу, и они давали им необыкновенно

поэтичные описания: «Медленно, опустив глаза, прямая, словно тополь, движется она с бубном по кругу перед нашими глазами. Дрожит каждая жилка молодого тела; она вся танцует, даже тогда, когда в неподвижной позе на мгновение замирает на месте, как бы обдумывая новое, еще невиданное никем, движение вольного танца. Она то плавно кружится перед нами, то мечется в круге, точно только что пойманная птица в клетке, и бубен ее рассыпается неумолчной трелью; то изовьется как змея; то останавливается на одном месте, зато пляшут, трепещут ее руки, бедра, грудь, волосы, рассыпавшиеся по лицу черными прядями, из которых сверкают возбужденные глаза; то раскидывается в воздухе в красивой манящей позе...» [3, с. 118].

Русские путешественники писали и о таком уникальном явлении для Востока, как гаремная жизнь арабов. Вот одно из описаний: «Как и подобает гарему, он защищен от праздных взоров высокою стеною... За нею оказался небольшой сад с мягкожурчащими фонтанами, идиллическими ручейками и рядом мраморных бассейнов. В этом саду проводят длинные часы скучного досуга триста затворниц, развлекаемых евнухами. Вот первая комната – салон гарема, вот другой салон, а за ним тянется в помещениях двух этажей бесконечная вереница небольших кабинетов, обставленных почти исключительно мягкими тахтами, оттоманками и креслами особенной формы, видимо, нарочно предназначенными для интимных бесед... Что больше всего бросается в глаза – это обилие умывален и прочих уединенных комнат. Все дороги ведут в Рим... здесь все двери ведут в умывальни...» [9, с. 67-68].

О нравственной стороне присутствия в жизни арабов-мусульман гарема русские путешественники отзывались чаще всего негативно, считая его препятствием к нормальной и здоровой семейной жизни: «На Востоке вся жизнь, все помышления и прежде всего больное, праздное, пустое и разнеженное воображение направлены на утоление плоти. Ту женщину считают счастливою, которую купит богатый, богатство составляется, чтобы содержать гарем и увеличить число жен до сотни и более. Женщины живут взаперти, ссорятся между собой и думают только о любви; дети у них на втором плане, а для отцов они не имеют никакого значения... Это ли семейная жизнь?» [6, с. 401]. Писал о бессмысленности существования гарема также и путник Н. Лендер: «Гарем – самая прозаическая вещь, которой только изысканная фантазия европейцев придает привлекательные черты. Интриги, бабьи ссоры, прожорливые клопы и непроходимая, чудовищная, незнакомая европейцам, тоска от безделья – вот что такое гарем и гаремная жизнь» [9, с. 70].

Таким образом, русские путешественники в своих дневниках и записках не оставляли без внимания положение женщины в арабском обществе и не боялись высказывать свое мнение на этот счет. В оценке ситуации с правами женщины на Арабском Востоке путешественники расходились во мнениях: одни оценивали их негативно (как, например, традицию отдельного питания мужчин и женщин, когда женщины питаются тем, что осталось от трапезы мужчин; традицию ношения длинного платья и чалмы женщинами; традицию ведения мужчинами гарема и др.) [5, с. 210-212; 8, с. 220-223; 16, с. 23], другие, напротив, считали стесненные права женщин залогом стабильности в семье и традиционно крепкого семейного очага [11, с. 203; 15, с. 223-225].

Писали они также и о бессмысленности существования гарема и ношения чалмы, совсем не принимая во внимание, что и на то и на другое мусульманина «толкает» ислам, а следовательно, на это есть воля Аллаха, а не лишь прихоть самих арабов-мусульман. Образ арабской женщины оставался непонятным для русских путешественников, так как он отличался от привычного образа женщины-европейки, поэтому они были склонны к укреплению бытовавших стереотипов.

Список литературы

1. **Адамов А.** Ирак Арабский. Бассорский виллает в его прошлом и настоящем. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1912.
2. **Берг Н. В.** Мои скитания по белу свету. М.: Россия молодая, 1999.
3. **Горячкин Г. В., Кислова М. А.** Поездка Н. В. Богоявленского в арабские княжества Персидского залива в 1902 г. М.: Изд. центр Ин-та стран Азии и Африки при МГУ, 1999.
4. **Дедлов В. Л.** Из далека. Письма с пути (из Книжек «Недели»). СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1887.
5. **Дохтуров М. Н.** Поездка на Восток. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1863.
6. **Жемчужников Л. М.** Мои воспоминания из прошлого. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2009.
7. **Кондурушкин С. С.** Сирийские рассказы: в 2-х т. СПб.: Изд-во тов. «Знание», 1908.
8. **Крымский А. Е.** Письма из Ливана: 1896-1898. М., 1975.
9. **Лендер Н.** Египет и Палестина: очерки и картинки с картою Средиземного моря. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1893.
10. **Майзельс Л. Я.** «Туда, где солнце греет...»: от Одессы до Каира на «Императоре Петре Великом». Одесса: «Центральная» тип. С. Розенштрауха и Н. Лемберга, 1914.
11. **Марков Е. Л.** Путешествие по Святой Земле: Иерусалим и Палестина, Самария, Галилея и берега Малой Азии. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1891.
12. **Мордовцев Д. Л.** Поездка к пирамидам. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1881.
13. **Орлов-Давыдов А. В.** Журнал 6 // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 219.97.2.
14. **Пельская В. И.** Мои сенсации 1867 г. // НИОР РГБ. Ф. 218.1288.23.
15. **Петкович К.** Ливан и ливанцы: очерки нынешнего состояния автономного ливанского генерал-губернаторства в географическом, этнографическом, экономическом, политическом и религиозном отношениях // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1885.
16. **Скальковский К. А.** Новые путевые впечатления. СПб., 1889.
17. **Скальковский К. А.** Путевые впечатления в Испании, Египте, Аравии и Индии: 1869-1872. СПб., 1873.

THE MUSLIM WOMAN'S IMAGE PERCEPTION PROBLEM IN THE RUSSIAN TRAVEL LITERATURE PAGES OF THE SECOND HALF OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Semenova Mariya Aleksandrovna
Peoples' Friendship University of Russia
semenova-maria85@yandex.ru

The author discusses the perception of the Muslim woman's image in the pages of the sources of personal origin of the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century, telling about the beauty of the Arab woman, her uniqueness, as well as such specific phenomena of the Arab Orient as harem life and the custom of wearing the turban. The Arab woman's image has always been and still remains incomprehensible for the Russian travelers due to the fact that it is not like the European woman's familiar image, so they tended to label and consolidate the existed stereotypes.

Key words and phrases: woman; Muslim woman; Bedouin woman; Arab woman; Christian woman; the Arab Orient; travelers; idea; sources; recollections; essays; notes; description; image; harem; dance; beauty; turban; custom.

УДК 1:316
Философские науки

В статье рассматриваются сущностные признаки манипуляции сознанием как феномена, присутствующего во всех сферах общественной жизни. Анализируются причины множественности подходов к рассмотрению проблемы манипуляции. Особое внимание уделено преодолению односторонности сугубо положительной или отрицательной оценки функций манипуляции.

Ключевые слова и фразы: манипуляция сознанием; скрытое воздействие; субъект манипуляции; объект манипуляции; симуляция.

Сиразетдинова Миляуша Фаритовна
Башкирский государственный университет
m.sirazi@yandex.ru

СУЩНОСТНЫЕ ПРИЗНАКИ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ©

В последнее время было опубликовано множество работ, посвященных манипуляции сознанием. При этом единогласие относительно ее сущностных признаков отсутствует, определения не только не взаимодополняют, но и противоречат друг другу, более того, под манипуляцией сознанием подразумевают совершенно разные явления. Подобная эклектика подчас приводит к мысли о том, что применение термина является данью моде и терминологическим переодеванием подробно изученных явлений. По этой причине в философских работах до недавнего времени проблема манипуляции затрагивалась лишь опосредованно, в связи с изучением других аспектов социального бытия.

Преимущественное рассмотрение прикладных, технико-технологических аспектов научного поиска в данной области по сравнению с социально-философскими и философско-антропологическими связано со спецификой современного отношения человека к миру, которое характеризуется инструментальностью. В политологических исследованиях манипуляцию сознанием рассматривают как средство обретения и удержания власти, в психологических – отождествляют с суггестивными технологиями, в лингвистических же – она представлена как умелое использование языка в целях управления. В целом манипуляция сознания видится как набор тактик, реализуемых с помощью средств массовой информации и/или специально созданных приемов, методов, средств. Также ее связывают с отношениями власти, называют «инструментом воли к власти и стремления к наживе их субъектов» [7, с. 101]. Бесспорно, овладение манипулятивными технологиями особенно важно для специалистов – тех, кто непосредственно работает в сфере массовых коммуникаций и политики. Однако манипуляция сознанием, на наш взгляд, в современном обществе носит системный характер, и это подтверждается тем, что любой человек может выступать в качестве манипулятора по отношению к окружающим спонтанно, не выходя за пределы повседневности, не овладевая теоретическими знаниями. Манипуляция сознанием обнаруживается и, более того, становится основным способом взаимодействия на любом уровне социальности – в сферах межличностных, межгрупповых отношений. Отсюда возникает необходимость рассмотрения манипуляции сознанием не только как элемента властных отношений, но и как элемента культуры, что позволит найти глубокие антропологические основания, то есть установить связь существования исследуемого феномена с сущностью человека.

© Сиразетдинова М. Ф., 2013